

Д.Т. Бабошин

Дени де Ружмон как выразитель идейных поисков французского персонализма 1930-х гг.

Бабошин Даниил Тимофеевич – аспирант философского факультета. МГУ им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4; e-mail: baboshin2014@yandex.ru

В настоящей статье автор стремится опровергнуть часто встречающееся в научной литературе представление о французском персонализме как о течении однородном и монолитном, кратко указывая на существование трех его внутренних течений: *Esprit*, *Ordre Nouveau* и *Jeune Droite*. Сосредоточиваясь на фигуре Д. де Ружмона, автор тем не менее показывает тесную связь этих трех групп и общность идейных исканий. Подробно останавливаясь на профессиональном контексте расхождений *Esprit* и *Ordre Nouveau*, автор демонстрирует, что обе группы все же едины в восприятии понятия «личность» как духовного императива для человека 1930-х гг. (пусть и не сходны в некоторых деталях его определения) и критике современных им политических режимов.

Ключевые слова: французский персонализм, Дени де Ружмон, Эмманюэль Мунье, личность

Историки философии нередко воспринимают французский персонализм как монолитное течение мысли, во главе которого стояли Э. Мунье и его журнал “*Esprit*”. Тем не менее современные исследователи, [см., например, Keller, 1999, p. 455–562; Roy, 1999, p. 8–454; Roy, 2003, p. 19–49] настаивают на значимости для понимания неоднородности персоналистского движения такой фигуры, как Александр Марк (изначально Александр Маркович Липянский), русский эмигрант, который и стоял у истоков французского персонализма. Именно он в 1931 г. основал первую персоналистскую группу во Франции – “*Ordre Nouveau*”. Этот круг упоминает и И.С. Вдовина [Вдовина, 1977, с. 9], одновременно указывая время появления его манифеста – 1931 г., – предшествующее выходу в свет первого номера журнала “*Esprit*” в 1932 г.

Кроме двух упомянутых персоналистских кругов, можно назвать и еще один, отличавшийся от предыдущих своими ярко выраженными правыми убеждениями, – “*Jeune Droite*” во главе с Жаном де Фабрегом [Auzéru-Chavagnac, 2002, web]. Его печатный орган “*La Revue du Siècle*” опирался на политическое учение Ш. Морраса, литературный гений А. Массиса и философские взгляды неотомистов А. Картерона и Р. Гарригу-Лагранжа. Существование этого третьего ответвления

персонализма опровергает тезис о повальной приверженности персоналистов левым взглядам.

Такое краткое обозначение различных течений внутри французского персонализма показывает, что персоналистские поиски во Франции 1930-х гг. не ограничивались муньеровским кругом “Esprit”. В нашей статье мы дадим краткий обзор таких поисков у Дени де Ружмона: будучи одним из основателей “Ordre Nouveau”, он единственный из сторонников А. Марка сотрудничал с журналом “Esprit” после разрыва того с Э. Мунье. Также он публиковался и в правом журнале “La Revue du Siècle”. Такое посредничество между разными печатными органами делает его важной фигурой, дополняющей историко-философские представления о французском персонализме. Между тем мы далеки от того, чтобы считать подобного «медиатора» нейтральной стороной, возвышавшейся над схваткой. Д. де Ружмон, разумеется, не был беспристрастным арбитром. Он активно участвовал в событиях и коллизиях, происходивших между разными полюсами французского персонализма.

Взирая на свои молодые годы, пришедшиеся на бурные 1930-е, Д. де Ружмон в 1968 г. объяснял свое положение в интеллектуальной среде Парижа как одновременную приверженность трем группам: “Ordre Nouveau”, “Esprit” и им же самим управлявшемуся журналу, отстаивающему богословские взгляды учителя Д. де Ружмона Карла Барта, “*Nic et Nunc*”: «Такая тройная приверженность обеспечивала мне сразу и свободу, и различные дополнительные возможности участия, вовлеченности... Она заставляла меня постоянно проверять и восстанавливать связность моих теологических, философских и политических воззрений. И в особенности она позволяла мне не замыкаться в следовании голосу какой-либо партии, которое быстро стало устанавливаться в подобных группах. Одновременно я избегал и другой крайности – раскольничества» [Rougemont, 1968, p. 98]. Это утверждение верно в том смысле, что Д. де Ружмон действительно выступал в роли посредника между разными полюсами интеллектуальных дискуссий на протяжении 1930-х гг.

“Ordre Nouveau” и “Esprit”: два пути персонализма в 1930-е гг.

Может показаться парадоксальным, но еще в 1932 г. основатель известнейшего персоналистского издания “Esprit” Э. Мунье относился к самому понятию «персонализм» с некоторым недоверием¹. Так, в своем дневнике (18 октября 1932 г.) Мунье пишет о неприятии персонализма одного из участников “Ordre Nouveau” А. Дандье: «...его персонализм, о котором все так много говорят, – это фундаментальное утверждение в некотором смысле ницшеанской мощи человеческой личности» [Mounier, 1956, p. 101]. В отличие от многих «нонконформистов 1930-х гг.» Э. Мунье не оценивал положительно личность немецкого философа Ф. Ницше. В 1932 г. для самого Мунье понятие «персонализм» оставалось еще довольно неясным концептом.

Расхождению “Ordre Nouveau” и “Esprit” послужила та причина, что в изначальном проекте Э. Мунье значительную роль играл неотомист Ж. Маритен, негативно воспринимавший революционную риторику А. Марка и его сторонников. Для Маритена само понятие духовной революции, пропагандируемой “Ordre Nouveau”

¹ Сам термин «персонализм», пусть и в несколько ином значении, применялся и ранее другими философами для обозначения своих метафизических учений: прежде всего Шарлем Ренувье, протестантским мыслителем, который этим словом назвал свою неокантианскую систему в одноименной книге 1903 г. Впрочем, его учение не нашло в те годы особого отклика в отличие от «критического персонализма» Уильяма Штерна в Германии и американского персонализма Бордена Паркера Боуна (подробнее о Ш. Ренувье и его историко-философской концепции см. [Кротов, 2022, с. 5–15]).

с первых же публикаций, имело некоторый антикатолический оттенок. Важно помнить, что в тогдашнем лексиконе слово «революция» связывалось по большей части с атеистическими левыми движениями. Кроме того, Ж. Маритен настаивал на католическом характере нового печатного издания, [подробнее см. Вдовина, 2022, с. 32], в то время как публикационная политика “*Ordre Nouveau*” с самого начала позиционировалась в качестве неконфессиональной.

Сам по себе французский персонализм был неоднородным в религиозном плане: Д. де Ружмон был протестантом бартовского толка, А. Дандье и Э. Мунье – католиками, Р. Арон – выходцем из иудейской семьи, А. Марк перешел в католицизм только в 1933 г. Д. де Ружмон позднее будет вспоминать: «Результатом такого разнообразия была тотальная религиозная нейтральность группы “*Ordre Nouveau*”, в то время как конфессиональная принадлежность “*Esprit*” не вызывала сомнений» [Rougemont, 1974, p. 61]. Конечно, на фоне заявлений самого Э. Мунье о желании создать журнал, где бы признавалось равное право на высказывание со стороны разных мировоззрений, ружмоновское утверждение выглядит спорно. И.С. Вдовина говорит об “*Esprit*” как о журнале, «поддерживающем плюрализм мнений и оценок; руководимый философами-католиками, он не стал собственно католическим изданием...» [Вдовина, 1990, с. 4]. Однако не стоит и преуменьшать внутренние разногласия в журнале между руководящей частью философов-католиков и авторов других конфессиональных воззрений. Так, Дж. Хелман приводит следующую цитату из письма Ж. Маритена Э. Мунье по поводу недопустимости публикаций членов “*Ordre Nouveau*” в журнале “*Esprit*”: «Есть нечто опасное и двусмысленное в том, что касается вашей позиции по отношению к католицизму... Вы не нейтральный журнал и совершите ошибку, если позволите... малейшему росту нейтральности или межконфессиональности пустить корни в вас. Ваша единственная сила... это Вера и Писание...» [цит. по Hellman, 1981, p. 60].

Для 1930-х гг. спор о неконфессиональности носил крайне острый характер. Дело в том, что во Франции первой трети XX в. полным ходом шла государственная кампания по окончательному разделению общества и религии. Религия должна была стать личным, приватным делом, не вторгающимся в сферу общественной жизни. В 1904 г. французское правительство принимает закон, запрещающий членам каких-либо религиозных организаций вести преподавательскую деятельность. В 1905 г. парламент издает закон, утвердивший окончательный разрыв между Третьей республикой и религией, провозгласивший французское государство как тотально светское. Как пишет французский историк Р. Ремон, «в результате такого неожиданного, хотя и вполне закономерного поворота секуляризация, изначально вызванная стремлением искоренить всякое неравенство, возникающее на почве конфессиональной принадлежности, и действительно устранившая дискриминацию по религиозному признаку, пришла к итогу, противоречащему самой ее идее: так как возникла новая дискриминация – на сей раз, по отношению к церкви, которая еще совсем недавно контролировала все общество» [Ремон, 2022, с. 205]. Разумеется, такое положение дел не могло не вызвать реакции со стороны католических организаций: в 1925 г. Собрание кардиналов и архиепископов Франции официально осудило светскость как идею и призвало благоверных католиков отвергнуть законы, не учитывающие закон божественный. Так всякий нейтралитет в отношении религии воспринимался как враждебность и аморальность.

Стремление к неконфессиональности порождало и некоторые трудности при использовании откровенно религиозного вокабулярия в отношении определения человеческой личности. Это требовало постоянных оговорок со стороны авторов “*Ordre Nouveau*”. Так, в случае Д. де Ружмона одно из важнейших понятий его философии, определяющих саму «личность» (*personne*), – «призвание» (*vocation*) – требовалось объяснять не в сугубо протестантских характеристиках. В своих собственных

работах, не связанных с “Ordre Nouveau”, он давал строго кальвинистскую трактовку этого термина: «Призвание – это зов, порученная человеку миссия, – слово, с которым обращается к нему Бог» [Rougemont, 1934b, p. 57]. На ожидаемое возражение по поводу бессмысленности данного определения для неверующего человека Д. де Ружмон отвечал, что Бог обращается к каждому человеку, будь он верующим или неверующим; возможно, человек секулярной культуры будет эту миссию просто называть другим словом: «...они называют ее собственным достоинством» [Ibid., p. 58].

Личность: проблема определений

Основным понятием французского персонализма является «личность» (*personne*). Именно оно определяет все устремления сторонников данного направления мысли. Между тем это понятие оказывалось мишенью для критики со стороны оппонентов персонализма, для которых оно было непроясненным, недостаточно четко очерченным. Уже в 1934 г. такие философы, как Поль Аршамбо и Морис Блондель, высказывали ряд замечаний в отношении смутного смысла персоналистского принципа примата личности [Archambault, 1934, p. 155–165; Blondel, 1934, p. 193–205]. П. Аршамбо отмечал, что «слабость нового “персонализма” в том, что это недостаточно философия» [Archambault, 1934, p. 163]. Причину этого он находил в недостатке общего понимания понятия личности. Впрочем, относительно группы “Ordre Nouveau” он делал исключение: «Благодаря “Необходимой революции”² и шести вышедшим к данному времени в свет выпускам журнала “L’Ordre Nouveau” разработана хоть некоторая сущность дела, то есть мы можем говорить о цельности реакций и высказываний, которые заслуживают строгого анализа и критики» [Ibid., p. 156]. “Ordre Nouveau” действительно стремился выработать максимально точную и нерелигиозную политическую философию персонализма. Сосредоточенность на политических и социальных темах вынуждала его сотрудников воздерживаться от обилия художественных определений, свойственных многим другим персоналистам.

Несмотря на это, даже “Ordre Nouveau” будто бы избегал точного определения личности в своих установочных текстах. Этому способствовало нежелание рационализировать сущностное для этого учения понятие, превращать его в набор строго определенных, фиксированных, застывших концепций. Личность познавалась персоналистами скорее интуитивно, нежели посредством разумных дефиниций.

Персонализм выступал своеобразной альтернативой рационалистическому индивидуализму. Сам успех термина «персонализм» во Франции 1930-х гг. может быть объяснен необходимостью некоего нового концепта, критически заряженного против позитивизма, индивидуализма и рационализма. Поиски «нового гуманизма» были важной интеллектуальной проблемой тех лет. Между тем сам термин «гуманизм» был для верующих во многом скомпрометирован его фейербаховской трактовкой, в то время как романтизм был тесно связан с культурой XIX в.

Проиллюстрируем эти поиски нового гуманизма примером Д. де Ружмона. В 1930 г. протестантское издание “Foi et Vie” опубликовало опросник «За новый гуманизм», где были собраны ответы разных мыслителей: Ж. Маритена, Л. Брюнсвика, аббата А. Бремона и др. Д. де Ружмон был одним из самых молодых участников этой совместной публикации (на тот момент ему было 24 года). Он выступил против идеи нового гуманизма, заявив, что, будучи религией человечества, гуманизм несочетаем с каким-либо трансцендентным человеку началом. «Быть по-настоящему человеком – значит иметь доступ к божественному. Какой смысл говорить

² “La Révolution nécessaire” – совместная книга Арно Дантье и Робера Арона.

о «христианском» гуманизме? Гуманизм имеет дело с человеком, христианство – с новым человеком. Всякий настоящий гуманизм ведет к «пределу»: стоит ли ждать от него большего, если он на месте Бога оставляет пустоту» [Rougemont, 1930, p. 245].

Главное различие, позволяющее уловить смысл «личности» в трактовке французских персоналистов, – это различие личности и индивида. Личность определяется по отношению к индивиду своим свободным действием, не направленным на имманентные этому миру условия и цели. Это действие соотносит личность с надисторической сферой и может быть понято только с позиции духа. В современных условиях капиталистического общественного строя человеческая деятельность все больше механизмуется и лишается подлинного, творческого смысла. Человек утрачивает собственно человеческую природу: он превращается в автомат, выполняющий частичные задачи и не видящий целостный результат своего труда. Такому «частичному» индивиду-автомату персоналисты противопоставляют личность как человека длительной деятельности, творческого субъекта. На такое понимание личностной, субъектной деятельности огромное влияние оказало философское учение А. Бергсона о длительности [подробнее см. Вдовина, 1977, с. 38–41].

Оно же во многом дало основу антиинтеллектуалистским тенденциям во французском персонализме. Именно благодаря бергсоновской критике строго фиксированных, дискретных научных стереотипов французские персоналисты обратились к изучению личности как конкретно данного, неисчисляемого человека. На эту же позицию повлияли философская антропология М. Шелера и его главный труд «Положение человека в космосе» (1928). Человек «вовлечен» в этот мир и, следовательно, в отличие от абстрактного индивида постоянно взаимодействует с ним, практически применяет свои силы. Так и одно из важных произведений Д. де Ружмона носит название “*Penser avec les mains*” («Думать руками», 1932) и нацелено на преодоление картезианского предрассудка о человеке как о мыслящей субстанции. Человек не просто мыслит, но посредством своей жизни, чувств, аффективности включен в мир.

Отметим в перечисленных характеристиках личности, так или иначе принимаемых всеми французскими персоналистами, те черты и акценты, которые позволяют рассмотреть позицию Д. де Ружмона как уникальную. В декабре 1934 г. в журнале “*Esprit*” швейцарский персоналист публикует статью “*Définition de la personne*” – «Определение личности». Во многом эта статья дает понимание плюралистичности французского персонализма, ведь в ней Д. де Ружмон открыто выступает против муньеровской трактовки личности как «общностной», видя в таком определении опасность впасть в коллективизм и растворить саму личность в сообществе. Д. де Ружмон обыгрывает этимологию слова *persona* и представляет жизнь через образ театрального действия, где актеры играют, или даже изобретают, собственную драму существования. Развивая театральную метафору, он настаивает на следующем различении: «...индивид от личности отличается так же, как анонимный персонаж массовой от актера, как тот, кто только составляет число, от того, кто полагает закон, как тот, кто только смотрит, от того, кто непосредственно вовлечен» [Rougemont, 1934a, p. 372]. Современной политической мысли он ставит в упрек то, что она воспринимает человека как индивида, т.е. «как часть целого социального тела, как только исчисляемый, безразличный, объективный элемент системы. Такое восприятие достижимо в процессе изоляции [человека]» [Ibid., p. 377]. В противовес такому взгляду Д. де Ружмон утверждает примат личности над целым, именно она – «необходимый и достаточный фундамент всякого сообщества» [Ibid., p. 378].

В том же выпуске “*Esprit*” Э. Мунье публикует свою статью «Что такое персонализм», где различает два пути в направлении персонализации: «Идя по одному из них, можно было бы достичь высот персональности ценой усиления напряжения, “агрессивности”, обладания, героизма. Герой стал бы здесь идеалом. Стоицизм. Ницшеанство.

Фашизм. <...> Другой путь мог бы вести к глубинам подлинной личности... Личность обретает себя только забывая о себе, жертвуя собой... В конце этого пути стоит святой, подобно тому как в конце первого пути стоит герой» [цит. по Мунье, 1999, с. 62–63].

Включение «нищанского» “Ordre Nouveau” в первую категорию между фашизмом и стоицизмом демонстрирует, насколько Э. Мунье старался дистанцировать “Esprit” от первой персоналистской организации. Оппозиция святого и героя в этом отношении крайне важна: в то время как “Ordre Nouveau” утверждал личностное существование в действии и героическом поведении, “Esprit” настаивал на состоянии святости и роли общества в преобразении индивида в личность. Так и в статье Д. де Ружмона личность – это действующее лицо, творящее свой закон, в то время как манифест Мунье подчеркивает примат общественного настроения индивида на личностный путь и именно *состояние* (а не действие) святости. Такое состояние самопожертвования делает возможной подлинную встречу двух Я. Согласно Э. Мунье, человеческое бытие нуждается в способности к активному самоотречению, к открытости для Другого. Он обращается к понятию Г. Марселя «расположенность» (*disponibilité*). В противном случае человек сам фиксируется на себе, замыкается в себе и становится для Другого закрытым, запертым со всех сторон объектом: «Быть нерасположенным означает быть тем или иным образом внутренне zagrożенным собою... Человек как бы внутренне заслонился, застыл в душевной неподвижности» [Марсель, 1995, с. 102].

Позднее Мунье с этих позиций сформулирует одну из своих претензий к экзистенциализму: «Трансценденция Гуссерля или Сартра, проекция во вне бытия, получающая движение лишь от самой себя и в погоне за самой собой сама себя достигающая, есть лишь псевдотрансценденция, всего лишь развернутое описание имманентности» [Mounier, 1948, p. 705]. Подобно уроборосу, экзистенциалистская трансценденция всегда возвращает человека к самому себе. Подобное возвращение лишает его способности к коммуникации, пространства субъект-субъектных отношений, что особенно ярко выразил Ж.-П. Сартр в своем понятии взгляда как инструмента дезинтеграции моего мира субъектом и превращения меня как «для-себя» во «в-себе»: «Я постигаю взгляд другого в самой глубине моего действия как затвердевание и отчуждение моих собственных возможностей» [Сартр, 2000, с. 286]. Два человека превращаются друг для друга в поработителей, каждый из которых стремится предупредить другого в своем поработлении взглядом. Как отмечает И.С. Вдовина, «согласно Сартру, взгляд “другого” изначально недоброжелателен, он фиксирует в неподвижности того, кого видит, замораживает его; мир взглядов стремится установить повсюду ледящее одиночество» [Вдовина, 2022, с. 74].

Марселевскую «расположенность» (*disponibilité*), противостоящую сартровскому поработящему взгляду, можно сравнить с ружмоновской оппозицией активной «любви-действия» (*amour-action*) и пассивно-нарциссической «любви-страсти» (*amour-passion*), развиваемой им в его главном труде «Любовь и Запад» (1939). Любовь-страсть характеризуется созерцанием и идеализацией фигуры возлюбленного, превращением его в объект собственного возбуждения. Страсть не нуждается в Другом самом по себе, тот требуется лишь в качестве инструмента поддержания состояния чувственного восторга. Сама же страсть поистине любит лишь саму себя, подлинное название такой любви – нарциссизм. Во многом следуя за Д. де Ружмоном³, Ж.-П. Сартр напишет о постоянной неудовлетворенности любящего: «Чем больше меня любят, тем больше я теряю свое бытие, тем больше я отказываюсь

³ На это следование указывает конкретная ссылка на Д. де Ружмона в начале четвертой части «Бытия и Ничто», а также упоминание исследуемой самим Д. де Ружмоном легенды о Тристане и Изольде.

от своей собственной ответственности, от своей собственной возможности бытия» [Сартр, 2000, с. 392].

В противоположность этому постоянному самовозбуждению, теряющему из вида собственно личность любимого человека, Д. де Ружмон приводит активную «любовь-действие», выражающуюся в свободном решении о помощи своему ближнему, постоянной заботе о нем, признании его как независимого и уникального существа. Именно такое отношение позволяет нам понять Другого как Другого, а не как очередной объект среди прочих объектов, пусть и выделенный в результате процесса идеализации. Именно такое отношение к Другому выражается не в стремлении к ничто, к смерти, а в полноценном совместном бытии – в браке. Отметим, что по сравнению с муньеровской и марселевской «расположенностью» «любовь-действие» Д. де Ружмона несет в своем определении обязательно активный, действенный, динамичный характер, а также выражается в конкретных социальных институтах.

Д. де Ружмон в противоположность Э. Мунье считает героическое действие, решение, устанавливающее закон, не единичным и не кратковременным. В этом он сближается с более поздним персоналистом и феноменологом Полем Рикёром, который связывал вовлечение и идентичность личности с «верностью делу» [подробнее см. Вдовина, 2022, с. 88–108]. Такая верность не мгновенна, а длительна. Именно она позволяет преодолеть изначальный для каждой зарождающейся личности кризис. Подобная трактовка вовлечения близка и Д. де Ружмону, который понятие верности развивал в работе «Любовь и Запад». Для него, однако, верность связывалась не с преодолением личностного кризиса, а с «решающим моментом» (*moment décisif*), тем моментом, когда человек принимает свободное решение без оглядки на обстоятельства и вопреки неизвестности его последствий. Он следует такому решению до конца, остается ему верен «в силу абсурда» (в кьеркегоровском значении) и тем самым конституирует постоянство своей личности.

В рамках данного анализа было бы небезынтересно упомянуть позицию и другого персоналистского кружка “Jeune Droite” под руководством Жана де Фабрега. В апреле 1933 г. первое печатное издание этой группы “La Revue française” выпустило совместный с “Ordre Nouveau” номер. И все же расхождения между правыми персоналистами и участниками “Ordre Nouveau” существовали. В частности, как утверждал сам Ж. де Фабрег, одной из линий раздела была отстаиваемая им неприемимость понятия личности и учения персонализма к большинству людей: «...люди в основном посредственны. Даже если они “свободны”, “сознательны”, “личностны” <...> Вот та пропасть, что разделяет меня с Д. де Ружмоном и Э. Мунье» [Fabrègues, 1937, p. 47]. Он не поддерживал ружмоновского энтузиазма по поводу личности как фундамента сообщества, если только эта личность не является неким полновластным сувереном, например королем. Именно в фигуре короля Ж. де Фабрег видел идеальное воплощение личности: «...не воплощает ли он собой личность, что превосходит человека; не единственный ли он, кто в силах таким образом сим-волизировать единство нации» [цит. по: Auzépy-Chavagnac, 2002, web].

Политическая программа французского персонализма

В чем были однозначно едины все французские персоналисты, так это в критике существовавших в их время демократических институтов. Персоналисты осуждали их косность и бесполезность, технократический идеал, к которому они стремились и который устранял личность из всех сфер общественной жизни в пользу тщательно просчитанной работы государственных институтов. Д. де Ружмон подготовил для фабреговского журнала “La Revue du Siècle” достаточно язвительный текст, осуждающий французскую геронтократическую систему, по сравнению

с которой даже диктаторские режимы фашистской Италии, советской России и нацистской Германии выгодно отличались молодостью и силой: «В сравнении с двумя странами, управляемыми сорокалетними людьми, т.е. вождями революционной молодежи, в сравнении с Россией, чей юношеский динамизм достаточно силен, чтобы оживить самое застывшее государственное учение, Франция представляет собой зрелище болтливых геронтократов со своими парламентскими склоками и вышедшим из моды политическим балетом: правые-левые, левые-правые... Перед лицом обутой в военные сапоги молодежи с непокрытыми головами и распахнутыми рубашками, над военной формой которой так любит потешаться наша пресса, что можем предъявить мы в ответ? Туго застегнутые воротнички, розетки [Ордена Почетного легиона], набитое пузо и шляпы-котелки. Франция – отсталая нация по сравнению с теми, что ее окружают и ей угрожают» [Rougemont, 1933, p. 7].

Между тем, несмотря на всю старческую немощь, европейская демократия строится на скрытом насилии: «...на самом деле мы живем при насильственном режиме, и всякий миролюбивый буржуа, который ссылается в сравнении с нами на свою “человечность”, в действительности является сообщником этого тщательно замалчиваемого насилия» [Rougemont, 1932b, p. 7]. Это насилие начинается со школы⁴ (с того навязываемого детям конформизма) и оправдывает войны и колониальное устройство во имя экономического процветания. Экономика служит маскировкой этого государственного насилия, а иногда оно прикрывается и риторикой неких высших и абстрактных принципов: «Так, для буржуазного насилия характерны лицемерие и абстрактность. Оно никогда не заявит о себе в открытую, оно всегда найдет для себя возвышенный повод: поддержание порядка, распространение цивилизации, сохранение так называемых “культурных ценностей”» [Ibid.]. Эта критика лицемерного и прикрытого миролюбивыми речами насилия парламентаризма во многом схожа с критикой обузданного насилия парламентских социалистов со стороны Ж. Сореля: «...немножко насилия, но насилия, контролируемого парламентской группой... парламентская группа продает консерваторам общественное спокойствие, подобно колдунам первобытных племен, продающим рыбакам ветер» [Сорель, 2023, с. 17].

Современное состояние французской политической, общественной и экономической системы представлялось Д. де Ружмону «установившимся беспорядком» (*désordre établi*). Это выражение встречается еще в его работе 1929 г., посвященной вредным последствиям государственного образования, и стало настолько популярным в персоналистских кругах, что использовалось даже идейными конкурентами – А. Марком и Э. Мунье. Став центральным понятием в журнале “Esprit”, оно четко обозначало главного врага персоналистов.

Взамен «установившегося беспорядка» Д. де Ружмон и круг “Ordre Nouveau” выдвигали антиэтатический проект федералистской Европы. Стоит сказать, что идея персоналистского федерализма своим истоком имела позднее политическое учение французского философа-анархиста П.-Ж. Прудона. Для Д. де Ружмона в начале 1930-х гг. эта фигура по своему влиянию была сравнима даже с С. Кьеркегором, чьи идеи оформили его теологическую базу: «Оппозиция Прудона и Маркса на поле экономики в точности передает ту же оппозицию на поле религиозном между Кьеркегором и Гегелем. Завтра она будет передавать оппозицию персоналистских отчизн и коллективистских наций» [Rougemont, 1932a, p. 841]. Следуя за П.-Ж. Прудонам, швейцарский мыслитель полагал, что такие пары, как «индивид – социум», «малая родина – культурная нация», «личная инициатива – план», должны сосуществовать в здоровом напряжении, а не исчезнуть в процессе «снятия», ведущего к окончательному синтезу, не допускающего человеческого произвола. Такое напряжение между двумя противоположностями

⁴ Подробнее о пагубном влиянии государственной школы на личность ребенка см. [Rougemont, 1929, p. 7–51].

и определяет так называемый персоналистский третий путь: попытку обнаружить то общественное устройство, при котором отношения между личностью и обществом будут пребывать в гармонии при сохранении творческого антагонизма противоположностей.

Влияние политической мысли П.-Ж. Прудона на французский персонализм трудно переоценить: его федералистские воззрения поздних лет во многом составили фундамент для дальнейших проектов группы "Ordre Nouveau". Он не стремился свести противоречия, существующие как в общественной жизни, так и в индивидуальном бытии всякого человека, к нейтрализующему их синтезу в гегелевском смысле этого понятия. Там, где К. Маркс ищет способ преодолеть противоречия, П.-Ж. Прудон пытается их уравновесить. Следовательно, идеальное социальное устройство должно быть достигнуто не через устранение противоречий посредством сильного государственного аппарата, а с помощью естественно устраиваемой маленькими региональными группами гармонии. Такая гармония не может быть установлена в переходном этапе сильного государства, как у К. Маркса, она достижима только при решении самих граждан. Одновременно с этим сами граждане нуждаются в объединении, они не способны изменить общественный порядок, действуя поодиночке. Так рождается формула прудоновского и персоналистского федерализма: независимость местных общин, объединенных в федерацию альянсов. Вместо восприятия государства как управляющей машины, раздающей приказы сверху вниз, персоналисты постулировали возможность иного положения дел: государства как органической жизни, устраивающей свои институты снизу вверх, от локального к глобальному⁵.

* * *

В завершение статьи стоит сказать несколько слов о возможных причинах угасания популярности персоналистских проектов к концу 1930-х гг. Об этом рассуждал и сам Д. де Ружмон в 1939 г.: наблюдая за тем, как развиваемые на страницах "L'Ordre Nouveau" и "Esprit" дискуссии так и не привели к какому-либо практическому результату, он констатировал «своего рода паралич, охвативший персоналистское движение» [Rougemont, 1939, p. 264], хотя и отказывался признавать его интеллектуальную несостоятельность. По его мнению, движению не хватило радикализма в его критике современного состояния дел. Более того, копирование образа действий и заседаний «старых партий» было одним из факторов, тормозящих реальное действие. Частое расхождение мысли и дела также служило источником неудач.

Отдав должное такой самокритике, отметим и некоторые дополнительные причины паузы, постигшей персонализм после Второй мировой войны. Начнем с внешних: сама европейская философия испытала две разрушительные для персоналистов тенденции – постепенную десубъективацию и постановку под вопрос уместности ангажированного характера философской деятельности. С другой стороны, были причины внутренние и среди них прежде всего неразработанность теоретического аппарата, что отмечает и И.С. Вдовина: «Порою персоналистская критика оказывается справедливой. Персоналисты довольно чутко реагируют на ошибки и слабые места современной западной философии, однако их собственные позиции

---

⁵ После Второй мировой войны Д. де Ружмон выступит в качестве активиста, борющегося за создание единой, федералистской Европы. Его идеи до сих пор остаются в центре внимания идеологов построения единой Европы, в частности Европейский союз стремится воплотить ружмоновскую концепцию «Европы регионов» путем поддержки таких форм регионального участия, как Европейский комитет регионов.

не отличаются ни большей доказательностью, ни ясностью» [Вдовина, 1977, с. 43]. По сравнению с тем же экзистенциализмом персонализм оказался неконкурентоспособным, он не смог доказать свое преимущество в области понятийной обособленности. К тому же центральное понятие этого течения – «личность» – служило не конкретным термином, описывающим данность, а скорее императивом, тем идеалом, который предстояло достичь, несмотря на смутность указывающих на него характеристик и противопоставлений.

Список литературы

- Вдовина, 1977 – Вдовина И.С. Французский персонализм. Критический очерк философского учения. М.: Наука, 1977. 128 с.
- Вдовина, 1990 – Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М.: Высшая школа, 1990. 151 с.
- Вдовина, 2022 – Вдовина И.С. Эмманюэль Мунье: личность и цивилизация. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 116 с.
- Кротов, 2022 – Кротов А.А. Метод поиска и анализа оппозиций как основа историко-философской систематизации (о концепции Шарля Ренувье) // История философии / History of Philosophy. 2022. Т. 27. № 2. С. 5–15.
- Марсель, 1995 – Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
- Мунье, 1999 – Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. 559 с.
- Ремон, 2022 – Ремон Р. Религия и общество в Европе. Процесс секуляризации в XIX–XX веках (1789–2000). СПб.: Александрия, 2022. 320 с.
- Сартр, 2000 – Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Сорель, 2023 – Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: ЛЕНАНД, 2023. 168 с.
- Archambault, 1934 – Archambault P. Vie intellectuelle: destin d'un mot // Politique. 1934. No. 2. P. 155–165.
- Auzépy-Chavagnac, 2002, web – Auzépy-Chavagnac V. Jean De Fabrègues et la jeune droite catholique: Aux sources de la Révolution nationale. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2002. URL: <http://books.openedition.org/septentrion/537180> (дата обращения: 01.11.2023).
- Blondel, 1934 – Blondel M. Les équivoques du "personnalisme" // Politique. 1934. No. 3. P. 193–205.
- Daniel-Rops, Rougemont, 1933 – Daniel-Rops A., Rougemont D. de. Spirituel d'abord // L'Ordre nouveau. 1933. No. 3. P. 13–17.
- Fabrègues, 1937 – Fabrègues J. de. La question du "Personnalisme" // Combat. 1937. No. 13. P. 47.
- Hellman, 1981 – Hellman J. Emmanuel Mounier and the New Catholic Left. Toronto: University of Toronto Press, 1981. 259 p.
- Keller, 1999 – Keller T. Le personnalisme de l'entre-deux-guerres entre l'Allemagne et la France // Alexandre Marc et la Jeune Europe (1904–1934). Nice: Presses d'Europe, 1999. P. 455–562.
- Mounier, 1948 – Mounier E. Tâches actuelles d'une pensée d'inspiration personnaliste // Esprit. 1948. No. 11. P. 679–708.
- Mounier, 1956 – Mounier E. Mounier et sa génération. Lettres, carnets et inédits. Paris: Collection "Esprit", 1956. 430 p.
- Rougemont, 1930 – Rougemont D. de. Pour un humanisme nouveau // Cahiers de Foi et Vie. 1930. Numéro spécial. P. 242–245.
- Rougemont, 1932a – Rougemont D. de. À prendre ou à tuer // La Nouvelle Revue Française. 1932. No. 231. P. 838–845.
- Rougemont, 1932b – Rougemont D. de. Sur la violence bourgeoise // Plans. 1932. No. 2. P. 6–8.
- Rougemont, 1933 – Rougemont D. de. La jeunesse française devant l'Allemagne // La Revue du Siècle. Paris. 1933. No. 2. P. 7–9.
- Rougemont, 1934a – Rougemont D. de. Définition de la personne // Esprit. 1934. No. 27. P. 368–382.

- Rougemont, 1934b – *Rougemont D. de. Politique de la personne*. Paris: Je sers, 1934. 249 p.
- Rougemont, 1939 – *Rougemont D. de. D'une critique stérile // Esprit*. 1939. No. 80. P. 264–267.
- Rougemont, 1968 – *Rougemont D. de. Journal d'une Époque*. Paris: Gallimard, 1968. 596 p.
- Rougemont, 1972 – *Rougemont D. de. L'Amour et l'Occident*. Paris: Plon, 1972. 445 p.
- Rougemont, 1974 – *Rougemont D. de. Alexandre Marc et l'invention du personnalisme // Le fédéralisme et Alexandre Marc*. Lausanne: Centre de recherches européennes, 1974. P. 51–69.
- Roy, 1999 – *Roy C. L'Ordre Nouveau aux origines du personnalisme // Alexandre Marc et la Jeune Europe (1904–1934)*. Nice: Presses d'Europe, 1999. P. 8–456.
- Roy, 2003 – *Roy C. Emmanuel Mounier, Alexandre Marc et les origines du personnalisme // Emmanuel Mounier, L'actualité d'un grand témoin. Actes du colloque tenu à l'UNESCO*. Paris: Parole et Silence, 2003. P. 19–49.

Denis de Rougemont as an Expressor of the Ideal Search of French Personalism in the 1930s

Daniil T. Baboshin

Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, 119234, Russian Federation, e-mail: baboshin2014@yandex.ru

The article seeks to refute the popular idea in Russian-language scientific literature of French personalism as a homogeneous and monolithic movement, briefly pointing out the existence of three of its internal movements: Esprit, Ordre Nouveau and Jeune Droite. Focusing on the figure of D. de Rougemont, this study nevertheless shows the close connection between these three groups and the commonality of ideological quests. Dwelling in detail on the confessional context of the differences between Esprit and Ordre Nouveau, the author demonstrates that both groups are still united in the perception of the concept of “personality” as a spiritual imperative for a person in the 1930s (albeit not agreeing on some details of its definition) and criticism of contemporary political regimes.

Keywords: French personalism, Denis de Rougemont, Emmanuel Mounier, personality

References

- Archambault P. Vie intellectuelle: destin d'un mot, *Politique*, 1934, no. 2, pp. 155–165.
- Auzépy-Chavagnac V. *Jean De Fabrègues et la jeune droite catholique: Aux sources de la Révolution nationale*. Villeneuve d'Ascq: Presses universitaires du Septentrion, 2002. URL: <http://books.openedition.org/septentrion/537180> (accessed: 01.11.2023).
- Blondel M. Les équivoques du “personnalisme”, *Politique*, 1934, no. 3, pp. 193–205.
- Daniel-Rops A., Rougemont D. de. Spirituel d'abord, *L'Ordre nouveau*, 1933, no. 3, pp. 13–17.
- Fabrègues J. de. La question du “Personnalisme”, *Combat*, 1937, no. 13, p. 47.
- Hellman J. *Emmanuel Mounier and the New Catholic Left*. Toronto: University of Toronto Press, 1981. 259 p.
- Keller T. Le personnalisme de l'entre-deux-guerres entre l'Allemagne et la France, *Alexandre Marc et la Jeune Europe (1904–1934)*. Nice: Presses d'Europe, 1999, pp. 455–562.
- Krotov A.A. Metod poiska i analiza oppozicij kak osnova istoriko-filosofskoj sistematizacii (o koncepcii Charles'a Renouvier) [The Method of Searching and Analyzing Oppositions as the Basis of Historical and Philosophical Systematization (On the Concept of Charles Renouvier)], *Istoriya filosofii / History of Philosophy*, 2022, t. 27, no. 2, pp. 5–15. ((In Russian))
- Marcel G. *Tragicheskaya mudrost' filosofii* [The Tragic Wisdom of Philosophy]. Moscow: Izd-vo gumanitarnoj literatury Publ., 1995. 216 p. (In Russian)
- Mounier E. *Manifest personalizma* [Manifesto of Personalism]. Moscow: Respublika Publ., 1999. 559 p. (In Russian)
- Mounier E. *Mounier et sa génération, Lettres, carnets et inédits*. Paris: Collection “Esprit”, 1956. 430 p.

Mounier E. Tâches actuelles d'une pensée d'inspiration personaliste, *Esprit*, 1948, no. 11, pp. 679–708.

Remon R. *Religiya i obshchestvo v Evrope. Process sekulyarizacii v XIX–XX vekax (1789–2000)* [Religion and Society in Europe. The Process of Secularization in the 19th–20th Centuries (1789–2000)]. St.-Petersburg: Aleksandriya Publ., 2022. 320 p. (In Russian)

Rougemont D. de. À prendre ou à tuer, *La Nouvelle Revue Française*, 1932, no. 231, pp. 838–845.

Rougemont D. de. Alexandre Marc et l'invention du personalisme, *Le fédéralisme et Alexandre Marc*. Lausanne: Centre de recherches européennes, 1974, pp. 51–69.

Rougemont D. de. D'une critique stérile, *Esprit*, 1939, no. 80, pp. 264–267.

Rougemont D. de. Définition de la personne, *Esprit*, 1934, no. 27, pp. 368–382.

Rougemont D. de. *Journal d'une Époque*. Paris: Gallimard, 1968. 596 p.

Rougemont D. de. La jeunesse française devant l'Allemagne, *La Revue du Siècle*, 1933, no. 2, p. 7–9.

Rougemont D. de. *L'Amour et l'Occident*. Paris: Plon, 1972. 445 p.

Rougemont D. de. *Politique de la personne*. Paris: Je sers, 1934. 249 p.

Rougemont D. de. Pour un humanisme nouveau, *Cahiers de Foi et Vie*, 1930, numéro spécial, pp. 242–245.

Rougemont D. de. Sur la violence bourgeoise, *Plans*, 1932, no. 2, pp. 6–8.

Roy C. Emmanuel Mounier, Alexandre Marc et les origines du personalisme, *Emmanuel Mounier, L'actualité d'un grand témoin*. Actes du colloque tenu à l'UNESCO. Paris: Parole et Silence, 2003, pp. 19–49.

Roy C. L'Ordre Nouveau aux origines du personalisme, *Alexandre Marc et la Jeune Europe (1904–1934)*. Nice: Presses d'Europe, 1999, pp. 8–456.

Sartre J.-P. *Bytie i Nichto. Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness. Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow: Respublika Publ., 2000. 639 p. (In Russian)

Sorel J. *Razmyshleniya o nasilii* [Reflections on Violence]. Moscow: LENAND Publ., 2023. 168 p. (In Russian)

Vdovina I.S. *Emmanuel Mounier: lichnost' i civilizaciya* [Emmanuel Mounier: Personality and Civilization]. Moscow; St.-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ Publ., 2022. 116 p. (In Russian)

Vdovina I.S. *Francuzskij personalizm (1932–1982)* [French Personalism (1932–1982)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1990. 151 p. (In Russian)

Vdovina I.S. *Francuzskij personalizm. Kriticheskij ocherk filosofskogo ucheniya* [French Personalism. A Critical Essay on Philosophical Teaching]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 128 p. (In Russian)